

Ст. Кульчицкий

СТАТУС ТИТУЛЬНЫХ НАЦИЙ В ПСЕВДОФЕДЕРАТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ СССР НА ЭТАПЕ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ (1917–1938 гг.)

От начала Второй мировой войны и до конституционной реформы М. Горбачева советский строй оставался таким, каким сложился за первые два десятилетия ленинско-сталинских преобразований. Поэтому столь важно разобраться в сущности этих преобразований. Глубина их воздействия на мировую историю в немалой степени определялась тем, что сущность советского строя была противоположной его внешним формам по основным параметрам – политическим, социально-экономическим и национальным.

Действительно, советская власть в первом приближении была рабоче-крестьянской властью. На деле, однако, она вырождалась в олигархическую диктатуру с тенденцией перерастания в деспотию. Социально-экономические преобразования приводили, как утверждалось, к переходу частной собственности на средства производства в руки общества. Фактически же общество оказывалось экспроприированным, а частная собственность под видом общенародной переходила в руки политических олигархов, которые завладели государством. Наконец, Советский Союз выглядел как содружество равноправных союзных республик, а фактически являлся сверхцентрализованным унитарным государством.

Титульной называют нацию, которая дала имя государству. Поскольку в Советском Союзе оказалось немало титульных наций, уже одно это заставляет не ограничиться столь простым определением. Определить статус советских наций можно лишь при условии выяснения отношений между государством и его многонациональным обществом. Начинать нужно с выяснения природы государства, которое создали вожди большевиков.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс так определяли действия рабочего класса после победы пролетарской революции: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь

капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹. Здесь поражает определение: «государство, т. е. пролетариат, организованный как господствующий класс». Выходит, что основоположники марксизма смешивали общности с иерархической структурой (армия, партия, государство) с бесструктурными (класс, общество, нация). Смешивание принципиально различающихся общностей приводило к тому, что рекомендации революционного марксизма повисали в воздухе. В том числе и та рекомендация, реализация которой означала появление коммунизма. «Коммунисты, – говорили они, – могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»².

«Манифест Коммунистической партии» появился за несколько недель до начала революций 1848 г. Всем известна его первая строка: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма». После этих революций призрак коммунизма в Западной Европе исчез, но в 1917 г. появился в Восточной Европе под влиянием объективных обстоятельств. К ним следует отнести остроту отношений между царским государством и обществом, крестьянами и помещиками, пролетариатом и буржуазией, а также ситуацию мировой войны. Миллионы разобращенных условиями производства и политически неорганизованных крестьян были мобилизованы в армию, т. е. превратились в структурированную и вооруженную общность, способную противостоять самодержавно-помещичьему строю. Советы солдатских и рабочих депутатов являлись самой мощной силой в российской революции. Именно они сыграли решающую роль в свержении самодержавия. Революция была общенародной, но и в феврале, и в октябре 1917 г. она оказалась в первую очередь советской. В ходе октябрьского переворота большевики завоевали власть только потому, что отказались на время от коммунистических лозунгов и взяли на вооружение советские.

Призрак коммунизма появился в России весной 1917 г. В «Апрельских тезисах» В. Ленин сформулировал для большевиков на период после взятия власти четыре задания: переименовать партию в коммунистическую; принять коммунистическую партийную программу; объединить родственные партии других стран в Коммунистический интернационал; создать государство-коммуна.

Большевистские теоретики разделили российскую революцию на Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социали-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 446.

² Там же. С. 438.

стическую, после чего объединили октябрьский переворот со своей коммунистической революцией. На деле, однако, российская революция началась в феврале 1917 г. и угасла с разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. Призрак коммунизма начал насыщаться плотью и кровью (причем большой кровью!) с весны 1918 г. Ленину понадобился год, чтобы повернуть страну, которая не ведала, что с ней делают, на путь строительства коммунизма.

Коммунистическое строительство осуществлялось традиционным для России методом «революции сверху». Царское правительство достигало желаемого результата в модернизации страны путем подражания апробированным на Западе образцам. Руководители партии большевиков стремились провести модернизацию принципиально иным путем. Их теоретический арсенал заключался в идеи двухфазного коммунизма. Первая фаза, которую называли социализмом, отличалась от полного коммунизма способом *распределения* материальных благ: при социализме – по труду, при коммунизме – по потребностям. По способу *производства* материальных благ основоположники марксизма не усматривали различий между социализмом и коммунизмом. Социализм в их представлении был обществом, лишенным частной собственности и товарно-денежных отношений. Такое представление о социализме было и у руководителей партии большевиков вплоть до 1933 г. Лишь натолкнувшись на глубокий кризис, И. Сталин прекратил попытки заменить товарооборот продуктообменом и отодвинул задачу ликвидации товарно-денежных отношений на вторую, вполне утопическую, фазу коммунизма.

Сказанное выше является фоном при рассмотрении национальной политики Кремля, в центре которой находился концепт титульной нации. Для вождей большевизма национальная политика всегда оставалась на втором плане, ибо они взяли на себя неподъемную тяжесть реализации коммунистической утопии. Натолкнувшись на коллапс, В. Ленин отступил к новой экономической политике, и лишь потом замаскировал свою предыдущую политику концептом военного коммунизма, т. е. коммунизма навязанного войной. Натолкнувшись на такой же коллапс, И. Сталин объявил социализмом те преобразования, которые были осуществимы.

Очевидно, на все времена останется самым фундаментальным исследованием советского строя в период его становления 20-томный корпус монографий бирмингемской историко-экономической школы в составе Эдварда Карра, Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофта. Однако они, как и другие исследователи, упустили из виду, что создание советского строя выходило за рамки естественноисторического процесса. В предисловии к российскому изданию монографии «Годы голода» Уиткрофт заметил, что они с Дэвисом «не нашли свидетельств того, что советская власть осуществляла программу геноцида против

Украины»³. Спору нет, такой программы не было, но существовала принятая в 1919 г. программа РКП(б), которой руководствовались и Ленин до 1921 г., и Сталин до 1933 г.

Следует перейти к характеристике коммунистического государства, которое К. Маркс и Ф. Энгельс считали «пролетариатом, организованным как господствующий класс». В. Ленин определял его как государство-коммуну, или государство коммуны⁴. В первый день пребывания в революционном Петрограде он сформулировал лозунг «Вся власть – Советам!» Свою диктатуру вождь большевиков намеревался облечь в форму советского рабоче-крестьянского государства, ибо знал, как совместить копившийся веками стихийный экстремизм народных низов с доктринальным экстремизмом революционного марксизма.

Ленин называл пролетариат «классом в себе», который может в собственной среде выработать только тред-юнионское сознание. Превратить рабочих в «класс для себя» должна была организация революционеров, руководимая интеллигенцией. Такой организацией была, как он считал, только партия большевиков. Он называл ее «партией нового типа», и был прав: эта партия функционировала, в отличие от всех других, по принципу «демократического централизма». Партийная масса должна была безусловно подчиняться своим руководителям разных уровней, а руководители – вождям.

Роль и место своей партии и советов в системе государственной власти Ленин впервые определил в ноябре 1905 г. Он заявил тогда, что считает «нецелесообразным требовать от Совета рабочих депутатов (речь шла о Петербургском совете. – *Ст. К.*) принятия социал-демократической программы и вступления в Российскую социал-демократическую рабочую партию»⁵. Зная нацеленность большевистского вождя на завоевание власти, трудно представить себе, что он хотел отстранить свою партию от Петербургского совета, который готовился стать революционным правительством. Советы он рассматривал как управленческую структуру, неразрывно связанную с собственной диктатурой. Каким образом достигалась искомая неразрывность?

Во-первых, надо было организационно отделить советы от партии большевиков. Во-вторых, требовалось обеспечить безраздельный контроль за советами со стороны этой партии. Большевики должны были вытеснить из советов конкурентные партии и наполнить их со-

---

³ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 12.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 116; Т. 36. С. 264.

⁵ Там же. Т. 12. С. 63.

бой, а также сочувствующими им беспартийными депутатами. Следовательно, партия большевиков начинала существовать в двух формах: как политическая партия, которая осуществляла под вывеской диктатуры пролетариата собственную диктатуру, а точнее – диктатуру вождей; как советы, которые формировались путем регулируемых парткомами выборов и имели весомые управленческие функции. Диктатура вождей опиралась на власть, прораставшую из народной толщи, но от народа совершенно независимую.

Термином «государство-коммуна» Ленин воспользовался лишь дважды. Компартийно-советский тандем стали именовать Советской властью (вопреки орфографии – с большой буквы). Сомневаться в ее народности было невозможно: свои кадры она брала из народных низов. Рабоче-крестьянское происхождение стало знаком высшего социального качества, подобно тому, как ранее таким знаком было дворянское происхождение.

Система власти окончательно сложилась в ходе сталинских преобразований. Общественные организации горизонтального типа, на базе которых формируется гражданское общество, были либо уничтожены, либо вертикализированы, т. е. перестроены по принципу «демократического централизма». Партийная и советская вертикали власти укоренялись в народной толще при помощи «приводных ремней» – разветвленной сети советов, комсомола, профсоюзов, множеством общественных организаций. Партия большевиков тоже превратилась в «приводной ремень», когда из нее выделилась внутренняя партия начальников – номенклатура. Вспомогательная вертикаль госбезопасности укоренялась в обществе миллионами секретных сотрудников (сексотов). Советское общество получило внутренний скелет, вследствие чего стало вести себя как иерархизированная структура типа партии или армии. В отличие от государств традиционного, тоталитарного или демократического типа, которые были отделены от своих обществ по определению, государство коммунистического типа погружалось в собственное общество всеми институтами, что придавало ему колоссальную силу.

Ленинский штурм сопровождался гражданской войной, и большевики постарались, чтобы эта война приобрела самые острые формы. Но они не были готовы одновременно противостоять национально-освободительному движению. Наоборот, они стремились взять угнетенные народы себе в союзники, чтобы одолеть сопротивление крупных собственников.

Успех в восстановлении распавшейся империи обеспечивался двойственной природой советской государственности – симбиозом управленческой власти советов, которая определялась конституциями, с диктатурой парткомов, которая в конституциях не фигурировала. Устанавливая советскую власть в национальных окраинах, вожди

большевиков были готовы предоставить им даже статус независимых государств. Ведь каждое советское государство по партийной линии подчинялось единому центру.

Ленин знал, что его стратегия более эффективна, нежели примитивный силовой курс белогвардейских генералов на восстановление «единой и неделимой» России. Выступая перед военными моряками в декабре 1917 г. он подчеркнул: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»⁶.

Создаваемые в национальных регионах советы владели той же полнотой управленческой власти, как и советы в центральной России. Если организация власти по социальному признаку базировалась у большевиков на принципе «демократического централизма», то систему управления в национальных регионах следовало дополнить чем-то другим, чтобы исключить возникавшую для центра угрозу отторжения. Чем-то другим стал принцип политизации этничности, положенный в основу административно-территориального деления страны.

Ленинский Совнарком создавал в нероссийских губерниях национальные административные единицы. Они получали, за исключением районного уровня, название той национальности, которая составляла в них большинство населения. Желая казаться сторонниками наиболее радикального решения национального вопроса, вожди большевиков объявляли титульными все этносы, которые были этим большинством. Образовалась иерархия этносов, определяемая административно-территориальным делением. Во главе иерархии оказались русские. Титульные нации второго порядка образовали союзные республики, третьего – автономные республики, четвертого – национальные округа, пятого порядка – национальные районы. В Украине титульными нациями были украинцы (в границах УССР), молдаване (в границах Молдавской автономии), а также представители шести других национальностей – в границах национальных районов (русские, греки, болгары, поляки, немцы и евреи). Люди одной и той же национальности считались представителями титульной нации в границах собственных административных образований и представителями национального меньшинства – вне этих границ. Статус русских в Украине был двойким. Официально они считались

---

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

национальным меньшинством в пределах республики. Неофициально вожди большевиков считали русских титульной нацией общесоюзного масштаба.

Великорусский шовинизм долгое время рассматривался как главная опасность в национальном вопросе. Однако в ходе острого кризиса 1932–1933 гг. руководители партии стали считать главной опасностью национализм, снабдив его приличествующим прилагательным – «буржуазный». На приеме высших руководителей партии и государства в Кремле 2 мая 1933 г. Сталин встал на стул (тогда микрофонов не было) и произнес тост, в котором прозвучала такая фраза: «Русские – это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира»⁷. Эти слова произносились тогда, когда достигла пика смертность крестьянского населения в трех хлебопроизводящих регионах страны, вызванная карательной конфискацией всего продовольствия, причем гибли от голода не только украинцы в своей республике и на Кубани, не только немцы в своей поволжской республике, но и миллионы русских крестьян.

Об этом следует помнить, когда мы пытаемся определить реальную значимость наивысшего статуса представителей русской национальности в иерархии советских титульных наций. Советские граждане независимо от национальности, социального положения и занимаемой должности, вплоть до должности члена Политбюро ЦК ВКП(б), были одинаково бесправными перед дьявольским изобретением Ленина – государством-коммуной.

Опытным полигоном в формировании национальной политики для Кремля всегда была Украина. Рассмотрев в декабре 1919 г. вопрос «О Советской власти на Украине», VIII Всероссийская конференция РКП(б) записала в своей резолюции: «Члены РКП(б) на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке»⁸. Принцип «учиться и разговаривать на родном языке» Ленин отстоял в настолько откровенной полемике с русскими большевиками, что свою речь на партконференции решил не публиковать. Она не опубликована доньше⁹.

Народы, которым руководители РКП(б) позволили жить в формально независимых республиках, а после образования СССР получить формальное право на выход из федерации, были титульными

---

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1117. Л. 10. URL: <http://Sovdoc.rusarchives.ru>; Фонд Сталина: URL: <http://Sovdoc.rusarchives.ru>

⁸ В. І. Ленін про Україну. Київ, 1969. Ч. 2. С. 359.

⁹ См. об этом: Кульчицький С. В. Реставрація Української СРР // Нариси історії Української революції 1917–1921 років. Київ, 2012. Кн. 2. С. 325–326.

нациями с государственным статусом. Центробежные настроения у них подавлялись партийными комитетами, которые были проводниками диктатуры вождей. Другие титульные нации удовлетворялись принципом «учиться и разговаривать на родном языке». Разница между титульными нациями союзных республик и всеми другими состояла в том, что первым препятствовала стать полноценными нациями партийная диктатура, а все прочее являлись этнонациями даже по официальному статусу. Украинцы в Советском Союзе имели на начало 30-х гг. три разных статуса: представителей титульной нации в УССР, претендентов на титульную нацию в случае объединения с УССР половины уже украинизированных районов Северного Кавказа, и национального меньшинства – во всех прочих регионах.

Кумулятивный эффект от соединения принципов «демократического централизма» и политизации этничности превращал Советский Союз из федерации равноправных республик в страну имперского типа с наивысшей степенью централизации власти. Политический режим не зависел ни от партии, которую он подмывал под себя, ни от общества, которому оставалось безропотно выбирать в советские органы власти кандидатов от «блока коммунистов и беспартийных». Не зависел он в сталинские времена и от номенклатуры, которую постоянно тасовали ротациями или репрессиями, чтобы она не пускала корни в населении, стремясь к меньшей зависимости от высших инстанций.

Наличие многих титульных наций не подрывало привилегированного положения русских, которые не считали себя национальным меньшинством в любом регионе СССР. Не нужно, однако, переоценивать привилегий русских в вертикализированном обществе, которое было поглощено государством-коммуной. Следует признать, что олигархический центр отражал, прежде всего, русские национальные интересы. Об этом свидетельствовали безуспешные попытки правительства Украины увеличить территорию республики за счет прилежавших российских земель с преобладавшим украинским населением. С другой стороны, Российской Федерации не позволили создать в Москве или Ленинграде партийно-советский центр, равновеликий тем, который имели другие союзные республики.

Наличие нескольких титульных наций в каждой союзной республике с вертикализированной системой, встроенных в массу населения государственных структур, препятствовало формированию политической нации. Как известно, политической нации в другой системе координат соответствует гражданское общество, т. е. совокупность созданных самими гражданами организаций, которые объединялись по горизонтали и не зависели экономически и политически от государства. В СССР гражданское общество не могло возникнуть в силу того, что у населения почти полностью отсутствовала частная

собственность на средства производства. Жалкие остатки частной собственности под другими названиями оставались только у сельских товаропроизводителей.

Концепт титульной нации требовал осуществлять кампанию коренизации, т. е. укоренения советской власти в границах национальной административно-территориальной единицы. Эта кампания способствовала развитию культуры титульных наций, хотя вожди рассчитывали лишь на укоренение своей власти. Формула коренизации власти была изложена Сталиным в докладе на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, – необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, права, обычаи, быт нерусских национальностей»¹⁰.

Компания коренизации власти развернулась практически одновременно с образованием Советского Союза. Оказалось, однако, что коренизация была двуликим Янусом. С одной стороны, она содействовала укоренению советской власти в национальных регионах. С другой стороны, она способствовала подъему национального самосознания нерусских народов, которые получили статус титульных наций. Этот подъем стимулировался элементарной дерусификацией, производившей глубокое впечатление на «местных людей» (как выражался Сталин). Достаточно упомянуть своеобразный культ, окружающий в украинской историографии личность одного из основателей большевизма Николая Скрыпника. Другим примером перекоса в оценке коренизации является «идея империи положительной деятельности» Терри Мартина¹¹.

Подъем национального самосознания народов проявлялся в их стремлении превратить декларативную советскую федерацию в нечто реальное. Это вызывало глухое, а с начала 30-х гг. и – открытое противодействие со стороны власти. Руководитель КП(б)У, немец по происхождению, Эммануил Квиринг находился в Украине так долго, что смог убедиться, насколько эффективно принцип «учиться и разговаривать на родном языке» вдохновлял «местных людей» на сопротивление имперскому центру. Еще в начале июня 1923 г. он обозначил потенциальную угрозу, которую несла с собой национальная политика Кремля: способность коммунистической украинизации перерасти в петлюровскую¹². Именно «петлюровская» украинизация способствовала национальному возрождению, т. е. действовала

---

¹⁰ Сталин И. Сочинения. Т. 5. С. 240–241.

¹¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М., 2011.

¹² Там же. С. 119.

вразрез с намерениями режима вернуть титульные нации в состояние этноса. Постановление ЦК ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г. прекращало «легкомысленную, не вытекающую из культурных интересов населения, не большевистскую “украинизацию” почти половины районов Севкавказа»¹³. В этом постановлении украинизация уже официально расщеплялась на «большевистскую» и «петлюровскую». Прекращение активно поддержанной населением кампании украинизации ликвидировало перспективу возникновения на половине территории Северо-Кавказского края второй в границах СССР Украины. Объединение этих двух Украин было явно нежелательным для Сталина и его команды.

Третьим компонентом принципа политизации этничности, наряду с концептом титульной нации и кампанией коренизации власти, была государственная фиксация национальной принадлежности человека, т. е. «пятая графа» советских анкет. Во внутренних паспортах, которые вводились для населения городов и новостроек с 1933 г., эта графа оказалась уже на четвертом месте, после фамилии, имени и отчества. Чтобы удерживать общество под жестким контролем, государству полагалось знать две основные характеристики своих граждан: социальное происхождение и национальность.

Различение граждан по признаку национальности было важным не само по себе, а только в соединении с принадлежностью к титульной нации. Преследуемые в Украине за «буржуазный национализм», украинцы часто спасались в России, где переставали быть представителями титульной нации, т. е. утрачивали свой политический статус. Опасными для власти были только украинцы со статусом титульной нации.

Государство сумело ликвидацией горизонтальных связей между людьми и глубоким проникновением в толщу общества партийной, советской и чекистской вертикалями власти исключить возникновение любых неконтролируемых организаций. Имея миллионы глаз и ушей в обществе, оно знало о действительных настроениях граждан и реагировало на них созданием фантомных организаций из инакомыслящих с последующим их репрессированием. Однако украинцы и без всяких организационных связей осознавали себя нацией, а не этносом. Социальный взрыв первой половины 1930 г., который заставил Сталина на полгода прекратить коллективизацию, был стихийным, но на территории Украины в нем постоянно звучали лозунги национальной революции 1917–1920 гг. Новый социальный взрыв в

---

¹³ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 292.

республике, который назревал в 1931–1932 гг. на фоне общесоюзного голода, был предотвращен генсеком созданием ситуации абсолютно-го голодания.

Репрессивные действия против украинской титульной нации центральная власть маскировала подчеркнутой украинофилией. Сталинский наместник в УССР П. Постышев преследовал национальную интеллигенцию, одетый в украинскую вышитую сорочку. Когда местные аппаратчики истолковали репрессии 1933 г. как прекращение кампании украинизации, он немедленно пресек попытки ограничить права титульной нации. Очередной демонстрацией показательной украинофилии был перевод в 1934 г. республиканских органов власти из Харькова в национальную столицу украинского народа – Киев.

Постоянное пребывание в эпицентре сталинских репрессий глубоко отразилось на способности украинского народа противостоять государству-коммуне. На переломе 80-х и 90-х гг., когда системный кризис советского строя достиг апогея, не Украина, а Россия оказалась той республикой, которая разрушила псевдофедеративный государственный строй СССР.